

Сысоева Т.А.¹, Айрапетян Е.А.² Культурные правила выражения и распознавание эмоций других людей: различия в распознавании гнева представителями армянской и русской культур

Sysoeva T.A.¹, Ayrapetian E.A.² Cultural display rules and emotion recognition: Differences in anger recognition between Armenians and Russians

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Изучались особенности распознавания эмоционального состояния другого человека представителями армянской и русской культур. В предварительном исследовании было обнаружено, что армяне, в отличие от русских, склонны в большей степени контролировать экспрессию гнева при взаимодействии с близкими людьми. Одна из идей, объясняющих влияние культуры на распознавание эмоций, предполагает, что правила выражения, которые заставляют подавлять экспрессию в определенных социальных ситуациях, должны компенсироваться представителями соответствующей культуры при оценке ими эмоционального состояния наблюдаемого. Исходя из этого, мы предположили, что, наблюдая за человеком, который находится в ситуации, провоцирующей сильный гнев, но не проявляет его в экспрессии, армяне будут оценивать интенсивность переживаемой им эмоции выше, чем русские, но только для ситуаций взаимодействия с членами своей семьи. В исследовании участвовали 65 армян (в возрасте 17–32 лет, $M = 22,31$, $SD = 2,46$, 38% мужского пола) и 64 русских (в возрасте 20–42 лет, $M = 22,44$, $SD = 2,89$, 34% мужского пола), которым предлагалось оценить по шкале 1–7 интенсивность гнева, переживаемого героем (изображенным на фотографии с нейтральной экспрессией), который находится в описанной ситуации (давалось вербальное описание ситуации, провоцирующей сильный гнев). Использовались два типа ситуаций: где герой взаимодействовал с членом семьи и с малознакомым человеком. Армяне, по сравнению с русскими, ставили значимо более высокие оценки интенсивности переживания только для ситуаций взаимодействия с членами семьи. Результат объясняется тем, что наличие культурного запрета на выражение гнева к членам семьи у армян сказывается на том, насколько они ориентируются на экспрессию, оценивая эмоции другого человека.

Ключевые слова: правила выражения эмоций, распознавание эмоций, гнев, армяне, русские, кросс-культурное исследование

Введение

Особенности распознавания и выражения эмоций представителями разных культурных групп изучаются много лет, и посвященные этому исследования остаются актуальными не только потому, что понимание эмоций других людей является важнейшим элементом для качественного социального контакта, но и в связи с процессами глобализации, приводящими к увеличению повседневных контактов между людьми из разных культур.

В качестве отправной точки взрывного роста количества исследований кросс-культурных особенностей выражения и распознавания эмоций можно рассматривать работы П. Экмана [Ekman et al., 1969; Ekman, 1971 и др.], в которых, с одной стороны, утверждалась кросс-культурная универсальность лицевых экспрессий базовых эмоций как с точки зрения выражения (кодирования), так и с точки зрения считывания (декодирования, распознавания), а с другой – постулировалась культурная специфика выражения эмоций. Предполагалось, что есть правила выражения (*display rules*), которые различаются в разных культурах и регулируют экспрессивное поведение, допустимое в той или иной социальной ситуации: вместо того, чтобы выразить эмоцию в полном соответствии с субъективным состоянием, человек может выражать ее более интенсивно, менее интенсивно, не выражать вовсе или маскировать экспрессией другой эмоции [Ekman, Friesen, 1969; Ekman, 1971].

В связи с таким взглядом кросс-культурные исследования *выражения эмоций* часто концентрировались на поиске *культурных различий* и учитывали многочисленные тонкости социального контекста, в котором осуществляется экспрессия: наличие рядом с выражающим эмоцию других людей, социальный статус выражающего и считывающего эмоцию, их социальные роли, близость отношений между ними и т.д. Так, уже в одной из первых демонстраций работы правил выражения этот контекст оказывался принципиально важным: студенты-японцы и студенты-американцы по-разному проявляли негативные эмоции, возникающие при просмотре видео, *в присутствии экспериментатора* [Ekman et al., 1987].

Огромный вклад в изучение кросс-культурных особенностей выражения эмоций внесли работы Мацумото [Matsumoto, 1990; Matsumoto et al., 1998; Matsumoto et al., 2008 и др.]. Сначала в таких исследованиях использовалась процедура, в которой респондентам предъявлялись фотографии лиц, выражающих эмоции, и требовалось оценить, насколько допустима эта экспрессия в различных социальных ситуациях [Matsumoto, 1990]. Позже была предложена самоотчетная техника, в которой респондентов просили указать, каким образом они выражают те или

иные эмоции («выражаю, как чувствую», «выражаю, но с меньшей интенсивностью, чем чувствую» и т.д.) в разных социальных контекстах (по отношению к членам семьи, незнакомцам и т.д.) в присутствии других людей или наедине. В дальнейшем эта техника была оформлена в методику DRAI (Display Rule Assessment Inventory) [Matsumoto et al., 2005], которая до сих пор активно используется для изучения правил выражения эмоций в разных культурах.

В качестве объяснений кросс-культурных различий в правилах выражения и базы для построения гипотез о них часто рассматриваются различия в ценностях, принятых в культуре [Schwartz, 2007; Hofstede, 2001; Triandis, 1995], таких как индивидуализм-коллективизм [Matsumoto et al., 1998; Matsumoto et al., 2008; Панкратова, Осин, 2020; Flicker et al., 2019 и др.], дистанция власти [Matsumoto, 1990], открытость изменениям [Коорманн-Холм, Matsumoto, 2011] и др. На основании рассуждений о том, что для коллективистических культур важно поддерживать групповую сплоченность и гармонию, формулируются гипотезы, что в культурах с более высокими показателями коллективизма стоит ожидать уменьшения проявления экспрессии негативных эмоций к членам своей семьи и близким людям (ингруппа) и положительных эмоций к мало знакомым людям (аутгруппа) [Matsumoto et al., 1998; Matsumoto et al., 2008; Flicker et al., 2019]. Предполагается, что для коллективистических культур разнообразие экспрессивного поведения (и, как следствие, регулирующих его правил) должно быть более высоким, так как в этих культурах необходимо тонко подстраиваться под разные ситуации, по сравнению с индивидуалистическими культурами, в которых поведение человека должно быть консистентным в разных ситуациях, поскольку это отражает подчеркиваемую индивидуальность человека [Safdar et al., 2009]. И хотя для всех типов культур характерно более интенсивное выражение эмоций в отношении членов своей группы [Matsumoto et al., 2008; Safdar et al., 2009], действительно, одобрение экспрессивного выражения негативных эмоций к членам ингруппы увеличивается с увеличением показателей индивидуализма культуры [Matsumoto et al., 2008].

Что же касается кросс-культурных исследований *распознавания (восприятия) эмоций*, то такие исследования на ранних этапах, начиная примерно с 1970-х гг., в большей степени концентрировались на поиске *сходств* [см. обобщение в Elfenbein, Ambady, 2002]. Исследователь интересовала точность распознавания лицевых экспрессий, а ее обнаружение у представителей разных культур интерпретировалось в поддержку кросс-культурной универсальности лицевой экспрессии. Это приводило к тому, что стимульный материал в исследованиях распознавания эмоций был обеднен: он сводился к фотографиям с лицевой экспрессией базовых

эмоций. И здесь следует отметить не только многократно критиковавшиеся подходы к выбору стимульных фотографий (слишком ярко выраженная экспрессия) и к способам получения ответа (выбор одного «правильного» ответа из небольшого количества альтернатив) [Russell, 1994], но и то, что задачи распознавания эмоций изначально не подразумевали возможности учета социального контекста, который так подчеркивался в исследованиях их выражения.

Ранние метааналитические обобщения результатов таких исследований показали некоторую степень кросс-культурной универсальности распознавания экспрессий [Elfenbein, Ambady, 2002]. Обнаруживаемые же кросс-культурные различия интерпретировались исходя из анализа характеристик, перцептивно доступных из такого стимульного материала. Например, хотя при анализе повышения точности распознавания эмоций для лиц той же этничности, что и воспринимающий, – внутригрупповое превосходство (in-group advantage) [Elfenbein, Ambady, 2002] – учитывается социальный контекст в виде особенностей воспринимаемого и воспринимающего как принадлежащих к одной или разным культурам, такая точность объясняется в теории эмоциональных диалектов наличием тонких различий в экспрессии эмоций у разных культурных групп. Предполагается, что существуют специфические аффективные экспрессивные программы, которые усваиваются в процессе социализации и обеспечивают увеличение точности распознавания эмоций тех, кто обладает аналогичным «диалектом» [Elfenbein, Ambady, 2003b; Elfenbein, 2017] и более культурно близок к тому, чью эмоцию распознает [Elfenbein, Ambady, 2003a], или распознает этот «диалект» в результате большей представленности в опыте аналогичных примеров [Elfenbein, Ambady, 2003c].

Попытки объяснить отсутствие полной кросс-культурной универсальности в распознавании эмоций привели к разработке более сложных исследовательских процедур: в качестве стимулов стали использоваться фотографии с разной по интенсивности экспрессией и видеосюжеты с естественным выражением, а выбор единственного верного ответа из предложенных альтернатив был дополнен оценкой интенсивности данной эмоции.

Были показаны кросс-культурные различия в воспринимаемой интенсивности для некоторых эмоций: оценивая европейские лица, представители азиатских культур дают более низкие оценки интенсивности страха, радости и удивления по сравнению с представителями европейских культур [Ekman et al., 1987]; американцы, по сравнению с японцами, воспринимают эмоции как более интенсивные [Matsumoto, Ekman, 1989]; представители западных культур

воспринимают экспрессию радости как более интенсивную, а экспрессию страха как менее интенсивную по сравнению с представителями азиатских культур [Biehl et al., 1997].

К сожалению, инструкции не всегда внятно уточняли, что должны оценивать респонденты: интенсивность экспрессии или интенсивность переживаемой изображенным человеком эмоции. При эксплицитном сопоставлении этих двух видов оценок также были обнаружены различия: американцы, по сравнению с японцами, выше оценивают интенсивность *экспрессии*, в то время как японцы, по сравнению с американцами, выше оценивают интенсивность *переживания*, при этом у японцев нет разницы в оценках интенсивности экспрессии и переживания [Matsumoto et al., 1999]. Причем такой эффект сохраняется только для сильно выраженной экспрессии, а для экспрессии, выраженной не так ярко, японцы склонны завышать оценки субъективного переживания по сравнению с экспрессией, тогда как у американцев такой разницы не обнаруживается [Matsumoto et al., 2002].

В качестве одного из возможных объяснений отсутствия полной культурной универсальности в точности распознавания эмоций и культурных различий в оценках интенсивности рассматривается наличие правил декодирования (*decoding rules*), которые, подобно тому как правила выражения заставляют модифицировать экспрессию эмоции при ее выражении, влияют на то, как будет проинтерпретирована экспрессия наблюдаемого человека при ее восприятии [Matsumoto, 1989; Matsumoto, Ekman 1989 и др.]. Однако концепция правил декодирования не была подробно разработана, как и не было предложено методик для их изучения, а в литературе можно встретить два разных способа их осмысления.

В некоторых случаях такие правила описываются как набор ограничений, накладываемых культурой и воспитанием на интерпретацию экспрессий. Например, в культуре может существовать запрет на распознавание негативных эмоций, что снизит точность их распознавания представителями этой культуры [Matsumoto, 1992; Lee et al., 2005] или заставит приписывать им меньшую интенсивность [Matsumoto, Ekman, 1989; Huang et al., 2001]. Ошибки и неточности в интерпретации при таком подходе могут рассматриваться как следствие сниженной мотивации замечать «запрещенные» эмоции [Hess et al., 2016] или следствие низкой представленности соответствующих экспрессий в опыте людей, то есть отсутствия насмотренности [Biehl et al., 1997; Schimmack, 1996], что, в свою очередь, может приводить к формированию у представителей разных культур различающихся ментальных репрезентаций эмоций, например, с точки зрения возможности дифференцировать экспрессии разной интенсивности

[Engelmann, Pogosyan, 2013]. Такие интерпретации, в частности, формулировались при объяснении более низких оценок интенсивности экспрессий представителями более коллективистических и взаимозависимых культур [Matsumoto, Ekman, 1989; Biehl et al., 1997].

В других случаях правила декодирования рассматриваются как компенсирующие те искажения, которые вносят в экспрессию существующие в культуре правила выражения: если в культуре есть ограничение на выражение эмоций некоторого типа, то логично ожидать, что за слабо выраженной экспрессией тем не менее может скрываться субъективное переживание высокой интенсивности [Zhu et al., 2013; Sneddon et al., 2011]. В поддержку такого способа рассуждения, кроме упомянутых данных о различиях в оценках интенсивности переживания у японцев и американцев [Matsumoto et al., 2002], можно привести данные, что японцы приписывают японским лицам большую интенсивность гнева [Dailey et al., 2010], а ирландцы, по сравнению с сербами, завышают оценки интенсивности положительных эмоций [Sneddon et al., 2011].

Можно предположить, что неоднозначные результаты исследований и разные интерпретации того, как культурная принадлежность может модерировать интерпретацию эмоционального состояния другого человека, являются следствием путаницы в том, что все-таки подлежит изучению: восприятие экспрессии или восприятие субъективного состояния наблюдаемого. В исследованиях это до сих пор не всегда четко различается, а инструкции, которые даются респондентам (оценить интенсивность экспрессии / указать, насколько выражена в экспрессии та или иная эмоция), могут не соответствовать дальнейшим интерпретациям полученных результатов (авторы говорят о воспринимаемой интенсивности субъективного переживания изображенного человека). В то же время *это различие является принципиальным*. Когда речь идет об оценках экспрессии, задача может рассматриваться скорее как когнитивная (перцептивная), и тогда первый способ рассуждения о правилах декодирования кажется более подходящим. Когда же речь идет об интерпретации внутреннего состояния героя, задача интерпретатора усложняется, предполагая необходимость видеть ситуацию с позиции другого человека (*perspective taking*), и в этом случае более подходящим оказывается второй способ рассуждения о правилах декодирования. Напомним, что при эксплицитном сопоставлении двух этих типов задач [Matsumoto et al., 1999; Matsumoto et al., 2002] было показано, что эти типы оценок проявляют себя не одинаково, и влияние культурной принадлежности на суждения о субъективном состоянии другого человека (а не на оценку интенсивности его экспрессии) скорее вписывается в гипотезы, которые могут быть сформулированы в рамках второго подхода.

Разделение разных подходов к изучению распознавания эмоций других людей (рассмотрение этого процесса как когнитивной задачи или задачи социальной перцепции) обсуждается и вне кросс-культурных исследований [Hess, Kafetsios, 2021].

Отметим, что, хотя авторы и признают возможность существования какого-то из описанных вариантов культурных правил декодирования, эти рассуждения строятся на основании исследований, в которых социальный контекст, столь важный для их проявления, в основном не учитывается во всех нюансах. Социальный контекст в подобных работах задается довольно грубо. Так, было показано, что наличие на предъявленных изображениях других людей, выражающих конгруэнтные или неконгруэнтные целевому персонажу эмоции, влияет на оценки его эмоций у японцев сильнее, чем у американцев и канадцев [Masuda et al., 2008; Masuda et al., 2012], и снижает точность распознавания эмоций у китайцев по сравнению с американцами [Stanley et al., 2013], а сопровождение экспрессии вербальным описанием ситуации, в которой находится целевой герой, сильнее влияет на восприятие искренности улыбок у японцев по сравнению с англичанами [Namba et al., 2020]. Подобные результаты часто объясняются различиями в когнитивных стилях, присущими представителям азиатских и европейских культур [Masuda, Nisbett, 2001]: обладая более холистическим типом мышления, представители азиатских культур больше внимания уделяют контексту в целом, поэтому больше подвержены его влиянию и в задачах распознавания эмоций. Схожие суждения приводятся и в концепции социальной ориентации, предполагающей, что культуры различаются по показателю взаимозависимость-независимость [Varnum et al., 2010]. Показано, что присутствие других людей, выражающих эмоции, по-разному влияет на оценки эмоций центрального персонажа греками и немцами – представителями двух европейских культур, различающихся по этому параметру [Hess et al., 2016].

Обобщая, можно отметить, что в кросс-культурных исследованиях распознавания эмоций, в отличие от кросс-культурных исследований их выражения, обобщения делаются более широко, и, хотя некоторые результаты объясняются работой культурно специфических правил распознавания эмоций, эмпирически эти правила почти не изучаются, а попытки столь же нюансированного учета социального контекста при изучении распознавания эмоций отсутствуют. В то же время разработка экспериментальных процедур распознавания эмоций, включающих важные для правил выражения элементы социального контекста, могла бы позволить дополнительно верифицировать существование и суть правил выражения, информация о которых стандартно собирается при помощи самоотчетных методик. Вслед за другими авторами

[Zhu et al., 2013; Sneddon et al., 2011] мы исходим из идеи, что суждения наблюдающего относительно интенсивности переживаемых наблюдаемым эмоций должны выноситься с учетом тех искажений, которые вносятся в экспрессию культурными правилами выражения, и быть комплементарны этим правилам. То есть если в культуре существует запрет на экспрессию данной эмоции в данном социальном контексте, представитель этой культуры будет склонен оценивать ее переживание наблюдаемым как более интенсивное, по сравнению с человеком, принадлежащим к культуре, в которой такой запрет отсутствует или выражен в меньшей степени. И наличие различий в оценках эмоций других людей у респондентов из разных культур может рассматриваться как экспериментальное подтверждение работы конкретного правила выражения эмоций.

Для разработки экспериментальной процедуры, которая могла бы проиллюстрировать учет культурных правил выражения эмоций в процессе их распознавания, могут быть выбраны две любые культуры, различающиеся по каким-то из правил выражения. В нашем исследовании в качестве сравниваемых культур выбраны армянская и русская. Сравнение этих культур по правилам выражения эмоций с применением самоотчетных методик типа DRAI прежде не проводилось, и лишь в одном из исследований было показано, что армяне и русские различаются по восприятию и пониманию экспрессий базовых эмоций [Vorobyeva et al., 2019]. Если руководствоваться недавно опубликованными данными индекса глобального коллективизма [Pelham et al., 2022], армянская культура может быть оценена как более коллективистическая по сравнению с русской, что может находить отражение и в правилах выражения эмоций. Мы провели предварительное пилотажное исследование с использованием методики DRAI [Панкратова, Люсин, 2016] на выборке 23 армян в возрасте 19–23 года (48% женского пола) и 29 русских того же возраста (52% женского пола). Было обнаружено, что армяне, по сравнению с русскими, сильнее скрывают эмоцию гнева в ситуациях взаимодействия с родителями и близкими людьми. Это можно проинтерпретировать так, что у армян в большей степени выражено правило, блокирующее выражение гнева по отношению к близким (членам ингруппы).

Для экспериментальной проверки работы этого правила выражения в контексте задачи распознавания эмоций другого человека и построено настоящее исследование, цель которого – показать различия в интерпретации интенсивности переживания гнева у наблюдаемого человека в разных социальных контекстах представителями армянской и русской культур.

Учитывая обнаруженный нами результат, что представители армянской культуры подавляют выражение эмоции гнева по отношению к близким людям в большей степени, чем представители русской культуры, мы выдвигаем гипотезу, что в случае, если наблюдаемый герой находится в ситуации, провоцирующей гнев, и при этом не показывает эмоцию в лицевой экспрессии, интерпретация интенсивности его переживания *армянами* будет зависеть от того, с кем в данный момент взаимодействует наблюдаемый: если наблюдаемый взаимодействует с членом своей семьи, *армяне* будут оценивать интенсивность переживания выше по сравнению с *русскими*. При этом для ситуаций взаимодействия с незнакомцами и малознакомыми людьми такое различие не предполагается.

Процедура и методика исследования

Исследование представляло собой квазиэксперимент со смешанным факторным планом 2 (культурная принадлежность: армяне vs русские, межсубъектно) × 2 (тип ситуации, провоцирующей гнев: взаимодействие с членами своей семьи vs взаимодействие с незнакомцами или малознакомыми людьми, внутрисубъектно). В качестве зависимой переменной выступала воспринимаемая интенсивность переживаемой героем эмоции гнева, оцененная по шкале от 1 до 7.

Выборка

В основном исследовании приняли участие 129 респондентов в возрасте от 17 до 42 лет ($M = 22,37$, $SD = 2,67$), 36% мужского пола. Большая часть участников – студенты различных российских высших учебных заведений. Практически все участники исследования указали, что проживают в Москве или Московском регионе. Чтобы привлечь респондентов, объявления об участии в исследовании размещались в различных социальных сетях и распространялись через друзей и знакомых авторов. Вознаграждение за участие не предполагалось.

Культурная принадлежность определялась по ответу на прямой открытый вопрос «Представителем какой культуры вы себя считаете?». В анализ были включены ответы тех, кто указал, что считает себя представителем армянской ($n = 65$) или русской ($n = 64$) культур. Дополнительно респондентам также задавался вопрос о культурной принадлежности родителей, и подавляющее большинство участников указали, что оба родителя принадлежат к той же культуре, что и они сами. Половой и возрастной состав сформированных подвыборок представлен в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика по полу и возрасту участников исследования из групп представителей армянской и русской культур

	Представители армянской культуры	Представители русской культуры
<i>Общее количество участников</i>		
	65	64
<i>Возраст</i>		
Среднее	22,31	22,44
Стандартное отклонение	2,46	2,89
Минимум	17	20
Максимум	32	42
<i>Пол</i>		
Мужской	25	22
Женский	40	42

Стимульный материал

Участникам предъявлялись слайды, на каждом из которых были размещены вербальное описание ситуации, в которой оказался наблюдаемый, и фотография его лица в данный момент. Причем описанная ситуация должна была восприниматься как провоцирующая сильную эмоцию гнева, а лицо не должно было выражать интенсивных эмоций. Таким образом, в стимульном материале было скомбинировано два источника информации о переживаемой наблюдаемым эмоцией, на основании которых можно построить разные суждения о возможной интенсивности переживания героя: если ориентироваться на лицевую экспрессию, следует заключить, что эмоция не переживается или переживается с низкой интенсивностью, а если ориентироваться на описание ситуации, следует заключить, что наблюдаемый должен переживать эмоцию высокой интенсивности. Такая комбинация должна позволить выявить работу культурных правил выражения эмоций при их распознавании: если в культуре заложен запрет на выражение какой-то эмоции в определенной ситуации, то оценка интенсивности переживаемой наблюдаемым эмоцией будет в большей степени ориентироваться не на выражение лица, а на логику ситуации (то есть повышаться).

Для отбора ситуаций и фотографий лиц был проведен дополнительный сбор данных, в котором приняли участие 303 студента одного из московских вузов в возрасте от 17 до 20 лет ($M = 18,09$, $SD = 0,55$), 14% мужского пола. Среди участников были представители разных национальностей, но большая часть (60%) идентифицировали себя как русских и лишь 3% идентифицировали себя как армян. За участие в исследовании студентам начислялись дополнительные баллы по выбранной дисциплине. Данные собирались онлайн при помощи сервиса Google Forms.

Для оценки каждому участнику последовательно предъявлялось 27 фотографий лиц и 16 описаний ситуаций. Нужно было оценить по шкале от 1 до 7, насколько интенсивно человек, изображенный на фотографии или оказавшийся в описанной ситуации, переживает каждую из пяти эмоций – гнев, печаль, страх, радость, отвращение.

Изображения лиц были отобраны из базы NimStim [Tottenham et al., 2009]. Для этапа предварительной оценки были использованы 22 фотографии мужских и женских лиц, помеченных в базе как нейтральные (не выражающие эмоций), а также дополнительно 5 фотографий лиц с интенсивной экспрессией (добавление этих изображений позволяло сделать процедуру оценки менее рутинной, а также оценить качество работы участников этой части исследования). При выборе фотографий мы также пытались отобрать такие лица, которые не содержат признаков, однозначно ассоциирующихся или не ассоциирующихся с особенностями лиц людей изучаемых национальностей, стремясь к тому, чтобы каждый участник исследования мог бы воспринять актера как относящегося к своей культуре. Однако дополнительной оценки отобранных фотографий по этому признаку на выборке респондентов не проводилось.

Для основного исследования были отобраны четыре фотографии (по две с мужскими и женскими лицами), медианы оценок по всем эмоциям для которых были минимальными, при этом медиана оценки по эмоции «гнев» не должна была превышать одного балла, а медианы, равные двум баллам, допускались не более, чем у двух из остальных оцененных эмоций. Одинаковое количество отобранных фотографий мужских и женских лиц использовалось, чтобы проконтролировать возможные различия в интерпретации поведения мужчин и женщин.

В исходный набор описаний ситуаций, провоцирующих эмоции, были включены ситуации двух типов в зависимости от того, с кем взаимодействует главный герой. В ситуациях первого типа главный герой взаимодействует с членами своей группы (с родителями и другими

членами семьи), например, «Отец отчитывает человека А за поступок, который он не совершал». В ситуациях второго типа главный герой взаимодействует с членами аутгруппы (незнакомцами или малознакомыми людьми), например, «Человек А спорит с незнакомцем, потому что получил от него неуместное замечание». Описания состояли из 10–30 слов, а главный герой везде был обозначен как «человек А», эмоциональное состояние которого в данной ситуации и нужно было оценить.

При расчете медиан оценок для ситуаций оказалось, что выделить такие, которые провоцируют «чистый» гнев, не представляется возможным: высокие оценки по шкале «гнев» часто сопровождали и достаточно высокие оценки по шкалам «печаль» или «отвращение». В итоге в основное исследование были включены описания, которые получили максимальные оценки по шкале «гнев» (медиана равна 5–6 баллам) и меньшие оценки по другим шкалам, за исключением одного описания, где медиана оценки по шкале «гнев» была равна медиане оценки по шкале «печаль». Всего было отобрано 8 описаний ситуаций – по четыре на каждый тип взаимодействия (с членами своей семьи и с незнакомцами / малознакомыми людьми).

Девушка спорит с преподавателем, который выставил ей незаслуженно низкую оценку

Рис. 1. Пример стимульного изображения.

Примечания. В качестве примера представлено описание ситуации взаимодействия с малознакомым человеком (представителем аутгруппы).

Далее каждая из четырех отобранных фотографий была случайным образом сопоставлена с одной ситуацией взаимодействия с членами семьи и одной ситуацией взаимодействия с незнакомцами или малознакомыми людьми. Таким образом было сформировано 8 горизонтально ориентированных слайдов: слева на каждом из них было представлено вербальное описание ситуации, а справа располагалась фотография. В оцененных описаниях ситуаций слова «человек А» заменялись на «молодой человек» или «девушка» в зависимости от пола героя на

фотографии. Всем респондентам предъявлялись одинаковые слайды (то есть конкретному описанию ситуации всегда было сопоставлено конкретное лицо). Пример стимульного материала представлен на рисунке 1.

Процедура

Сбор данных осуществлялся онлайн при помощи приложения Google Forms. Сначала участники исследования указывали демографическую информацию о себе (пол, возраст, город проживания, культурную принадлежность – собственную и родителей). Далее на отдельной странице предъявлялась общая инструкция: «Вам будут даны описания ситуаций, в которых оказались разные люди, а также показаны фотографии выражений их лиц в этот момент. Внимательно прочитайте описание ситуации и посмотрите на лицо. Как вам кажется, насколько сильную эмоцию испытывает человек, находясь в этой ситуации, если у него такое выражение лица? Вам нужно будет оценить по шкале от 1 до 7 насколько сильную эмоцию испытывает человек в заданной ситуации. Если вы считаете, что человек на фото не испытывает ничего, отметьте для нее «1», если вы считаете, что эмоция, переживаемая изображенным человеком, очень сильная, отметьте для нее «7». Вы также можете использовать все промежуточные баллы, чтобы как можно точнее описать интенсивность переживаемых эмоций».

После этого каждый участник оценивал все восемь слайдов. Каждый слайд предъявлялся на отдельной странице и сопровождался вопросом: «Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации?».

Всем участникам исследования слайды показывались в одинаковой последовательности: сначала четыре слайда с ситуациями взаимодействия с членами своей семьи, потом четыре слайда с ситуациями взаимодействия с незнакомцами или малознакомыми людьми. Все предъявленные респондентам слайды приведены в приложении 1.

Участие в исследовании занимало примерно 5–7 минут.

Результаты

Для обработки данных использовался статистический пакет JASP 0.17.2.1 [JASP Team, 2023].

Для каждого участника были посчитаны два показателя: средние оценки интенсивности переживания эмоции, выставленные героям, находящимся в ситуациях взаимодействия с членами

своей семьи и находящимся в ситуациях взаимодействия с незнакомцами или малознакомыми людьми. Описательная статистика по этим оценкам для групп участников, принадлежащих к армянской и русской культурам, приведена в таблице 2.

Таблица 2

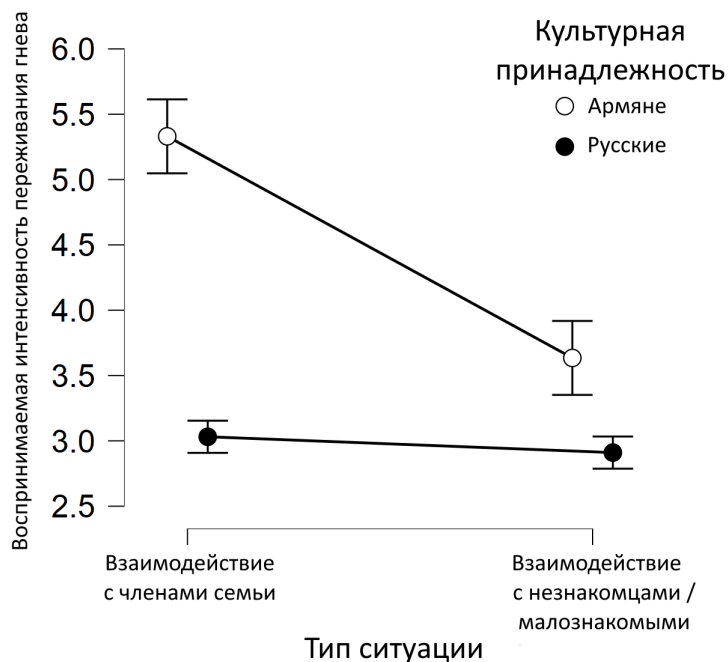
Описательная статистика оценок интенсивности переживания гнева героем в ситуациях взаимодействия с членами семьи и незнакомцами / малознакомыми людьми, выставленных представителями армянской и русской культур

	Ситуации взаимодействия с членами своей семьи				Ситуации взаимодействия с незнакомцами или малознакомыми людьми			
	M	SD	Min	Max	M	SD	Min	Max
Представители армянской культуры	5,331	0,944	3,250	7,000	3,635	1,064	2,000	6,250
Представители русской культуры	3,031	1,028	1,750	6,250	2,910	0,882	1,750	6,000

Примечания. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; Min – минимальное значение; Max – максимальное значение.

Данные анализировались при помощи ANOVA с повторными измерениями 2×2, где в качестве межсубъектного фактора выступала принадлежность к культуре (армяне vs русские), а в качестве внутрисубъектного – тип ситуации, в которой оказался оцениваемый герой (взаимодействие с членами семьи vs взаимодействие с незнакомцами или малознакомыми людьми).

Обнаружено значимое взаимодействие факторов ($F(1; 127) = 51,396, p < 0,001, \eta^2_p = 0,288$): представители армянской культуры воспринимают интенсивность переживания гнева как более высокую, когда герой общается с членами семьи, по сравнению с ситуациями, где герой общается с незнакомцами или малознакомыми людьми ($F(1; 64) = 71,639, p < 0,001, \eta^2 = 0,528$), в то время как для представителей русской культуры такие различия не наблюдаются ($F(1; 63) = 1,931, p = 0,170, \eta^2 = 0,030$) (график представлен на рисунке 2).

Рис. 2. Оценки воспринимаемой интенсивности переживания гнева в зависимости от культурной принадлежности и типа ситуации.

Примечания. На графике отражены доверительные интервалы.

Также обнаружен значимый основной эффект от фактора «Тип ситуации» ($F(1; 127) = 68,416$, $p < 0,001$, $\eta^2_p = 0,350$): интенсивность переживания героя в среднем оценивается выше в ситуациях общения с членами семьи по сравнению с ситуациями общения с незнакомцами или малознакомыми людьми; и значимый основной эффект от фактора «Культурная принадлежность» ($F(1; 127) = 128,004$, $p < 0,001$, $\eta^2_p = 0,502$): представители армянской культуры в среднем оценивают интенсивность переживаний героя выше, чем представители русской культуры.

Обсуждение результатов

В данном исследовании изучались особенности распознавания эмоционального состояния другого человека представителями армянской и русской культур в зависимости от социального контекста, в котором оказался наблюдаемый. Пилотажное исследование, в котором выявлялись правила выражения эмоций, характерные для этих культур, показало, что армяне, в отличие от русских, склонны в большей степени контролировать экспрессию гнева при взаимодействии с близкими людьми. Исходя из идеи, что существование такого культурного правила выражения должно сказываться и на процессе вынесения суждений об эмоциональном состоянии других, мы предположили, что при вынесении такого суждения относительно

человека, находящегося в ситуации, провоцирующей сильный гнев, но не выражающего его в экспрессии, армяне будут оценивать интенсивность переживаемой наблюдаемым эмоции выше, чем русские, но только для ситуаций, в которых наблюдаемый взаимодействует с членами своей семьи.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась: интенсивность переживания гнева, приписываемая наблюдаемому, была выше у армян по сравнению с русскими, и это различие существовало только для ситуаций взаимодействия с членами семьи и не проявлялось в ситуациях взаимодействия с незнакомцами и малознакомыми людьми.

Мы интерпретируем полученные результаты как демонстрацию работы усвоенных культурных правил выражения, провоцирующих армян сдерживать экспрессивные проявления гнева в отношении членов своей группы: при вынесении суждений об эмоциях наблюдаемого происходит компенсация возможного подавления им экспрессии, и хотя эмоция на лице не выражена, интенсивность ее субъективного переживания оценивается как высокая [Zhu et al., 2013; Sneddon et al., 2011].

Однако предлагаемое нами объяснение и обнаруженное влияние фактора «Тип ситуации», показавшее, что оценки интенсивности переживания при общении с незнакомцами / малознакомыми людьми в целом ниже, чем при общении с членами семьи, можно рассмотреть как противоречащие друг другу. В исследованиях правил выражения эмоций с использованием самооценочной методики DRAI респонденты из разных культур часто сообщают, что регулируют экспрессию эмоций сильнее при взаимодействии с представителями аутгруппы по сравнению с ингруппой [Matsumoto et al., 2008; Safdar et al., 2009]. Если принимать идею компенсаторности при распознавании эмоций других, то следовало бы ожидать, что участники из обеих культур в нашем исследовании будут оценивать переживание как более интенсивное именно в ситуациях взаимодействия с незнакомцами и малознакомыми людьми. Можно предложить несколько разных объяснений этому противоречию. С одной стороны, можно предположить, что формулируемые респондентами ответы на прямые вопросы самоотчетных методик могут не вполне соответствовать их реальному поведению и реальной работе культурных правил, и людям просто кажется, что они сильнее контролируют эмоции при общении с представителями аутгруппы, чем это происходит на самом деле. С другой стороны, возможно, что предложенные нами в методике ситуации, когда гнев был спровоцирован незнакомцами и малознакомыми людьми, не совпадают с теми, что воображают себе люди, отвечая на вопросы типа

используемых в методике DRAI, то есть предложенные нами формулировки ситуаций этого типа могли оказаться менее репрезентативными. Исследования, где более детально анализируются ситуации, которые представляют себе респонденты, отвечая на подобные вопросы, могли бы пролить свет на эти предположения. Кроме того, в созданных нами описаниях ситуаций не было в достаточной мере проконтролировано то, выражается ли эмоция напрямую самому человеку, спровоцировавшему гнев. Если описания ситуаций общения с членами семьи, скорее, могли быть поняты так, что адресат эмоции находится рядом, то для ситуаций общения с незнакомцами и малознакомыми это не было очевидно. Возможно, это выступило побочной переменной, которая исказила результаты для ситуаций данного типа. Для проверки этого предположения следует провести дополнительные исследования со скорректированным стимульным материалом, эксплицитно уравненным по вышеупомянутой переменной.

На полученный результат можно посмотреть с точки зрения относительной ценности разных источников информации об эмоциях других людей при вынесении суждений о них: в споре о том, что важнее – информация о лицевой экспрессии или о ситуации, в которой она проявляется, – так и не была поставлена точка [Carroll, Russell, 1996; Aviezer et al., 2008]. Наши результаты можно проинтерпретировать так, что культурные правила выражения эмоций влияют на то, какой из этих источников информации оказывается более существенным для наблюдателя: когда в культуре существует запрет на экспрессию эмоции, а ситуация предполагает ее переживание, представители такой культуры будут меньше доверять выражению лица (что показано в нашем исследовании для представителей армянской культуры). В одном из кросс-культурных исследований, проведенном в рамках этого спора, были найдены подтверждения идеи, что в культурах, поощряющих поведенческое разнообразие в зависимости от ситуаций (context differentiation) (что характерно для азиатских и более коллективистических культур), информация о ситуации при распознавании эмоций сильнее влияет на вынесение суждений о состоянии наблюдаемого [Matsumoto et al., 2012]. Если принять идею, что армянская и русская культуры различаются по этому параметру, то наши данные согласуются с этими результатами: армяне корректировали ответы в зависимости от типа ситуации, а русские – нет.

Отсутствие изменения оценок в зависимости от типа ситуации в русской подвыборке может показывать, что правила, запрещающего проявлять экспрессию гнева по отношению к близким, в этой культуре нет. Конечно, на данный результат можно взглянуть и иначе: возможно, представители русской культуры в целом не склонны учитывать в подобных оценках информацию о ситуации. Однако средняя оценка интенсивности переживания гнева героем в

наблюдаемой ситуации на русской подвыборке все же была несколько выше, чем оценка, полученная для этих же лиц, когда они предъявлялись на предварительном этапе исследования без контекста (напомним, что выбирались только лица, получившие по шкале «гнев» медиану не выше 1). Это может говорить о том, что информация о ситуации все же учитывалась русскими наблюдателями, но просто не имела столь же большого эффекта в вынесении суждения, как в случае представителей армянской культуры.

Влияние фактора «культурная принадлежность», заключающееся в том, что армяне ставили в целом более высокие оценки интенсивности переживанию наблюдаемого, при допущении, что армянская культура более коллективистическая, чем русская, может быть соотнесено с результатами Мацумото и др., полученными для экспрессий низкой интенсивности [Matsumoto et al., 2002]. Но, учитывая, что различия в оценках русских и армян были обнаружены только для одного типа ситуаций, вероятно, обсуждать этот основной эффект отдельно не имеет смысла: обсуждать его с таких позиций было бы корректнее, если бы различия в оценках интенсивности были обнаружены и для ситуаций общения с близкими, и для ситуаций общения с незнакомцами или малознакомыми людьми.

Проведенное исследование не лишено и некоторых ограничений. Так, в исследовании участвовали армяне и русские, проживающие на территории России. С одной стороны, обнаружение различий в этом случае может рассматриваться как даже более сильный аргумент в пользу их интерпретации как следствия различий в культурных правилах выражения. В других исследованиях также показаны различия в культурных правилах у разных этнических групп, проживающих на одной территории [Matsumoto, 1993; Hwang, Matsumoto, 2012]. С другой стороны, перепроверка этого результата с привлечением выборки армян, проживающих в Армении, и с использованием стимульного материала на родном для них языке необходима.

Еще одним ограничением является отсутствие проверки предъявленных лиц на то, насколько они воспринимаются как типичные для армян или русских. Если допустить, что лица героев не ассоциировались у участвующих в исследовании армян с представителями их культуры, то было бы странно ожидать, что для интерпретации их эмоционального состояния применялись бы «поправки». Тогда возможно, что результаты не столько отражают влияние правил выражения, принятых в армянской культуре, на распознавание эмоций, сколько иллюстрируют стереотипы относительно эмоционального поведения представителей другой культуры. И хотя существуют данные, что знания о национальной принадлежности наблюдаемого не влияют на

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

распознавание эмоций по крайней мере в некоторых случаях [Matsumoto, 2007], в дальнейшем было бы правильно либо оценить, насколько предъявленные лица кажутся представителям изучаемых культур репрезентирующими их, либо использовать фотографии лиц актеров из соответствующих культур.

Следует отметить, что наши результаты ограничиваются только одной эмоцией, и мы экспериментально проверяли работу только одного из возможных правил выражения. В дальнейшем можно применить такой способ проверки и к другим правилам выражения, выявляемым для других эмоций в разных культурах.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

Панкратова А., Люсин Д. Правила проявления эмоций в русской и азербайджанской культурах. Психологические исследования, 2016, 9(48). DOI:10.54359/ps.v9i48.453

Панкратова А.А., Осин Е.Н. Круговая модель правил проявления эмоций: кросскультурное исследование. Психологический журнал, 2020, 41(2), 54–68. DOI:10.31857/S020595920008542-2

Aviezer H., Hassin R.R., Bentin S., Trope Y. Putting facial expressions back in context. In: N. Ambady, J.J. Skowronski (Eds.), *First impressions*. New York: Guilford Publications, 2008. pp. 255–286.

Biehl M., Matsumoto D., Ekman P., Hearn V., Heider K., Kudoh T., Ton V. Matsumoto and Ekman's Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (JACFEE): Reliability data and cross-national differences. *Journal of Nonverbal Behavior*, 1997, 21(1), 3–21. DOI:10.1023/A:1024902500935

Carroll J.M., Russell J.A. Do facial expressions signal specific emotions? Judging emotion from the face in context. *Journal of personality and social psychology*, 1996, 70(2), 205–218. DOI:10.1037//0022-3514.70.2.205

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Dailey M.N., Joyce C., Lyons M.J., Kamachi M., Ishi H., Gyoba J., Cottrell G.W. Evidence and a computational explanation of cultural differences in facial expression recognition. *Emotion*, 2010, 10(6), 874–893. DOI:10.1037/a0020019

Ekman P. Universals and cultural differences in facial expressions of emotion. *Nebraska Symposium on Motivation*, 1971, 19, 207–283.

Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding. *Semiotica*, 1969, 1, 49–98. DOI:10.1515/semi.1969.1.1.49

Ekman P., Friesen W.V., O'Sullivan M., Chan A., Diacoyanni-Tarlatzis I., Heider K., Krause R., LeCompte W.A., Pitcairn T., Ricci-Bitti P.E. Universals and cultural differences in the judgments of facial expressions of emotion. *Journal of personality and social psychology*, 1987, 53(4), 712–717. DOI:10.1037//0022-3514.53.4.712

Ekman P., Sorenson E.R., Friesen W.V. Pan-cultural elements in facial displays of emotion. *Science*, 1969, 164(3875), 86–88. DOI:10.1126/science.164.3875.86

Elfenbein H.A. Emotional dialects in the language of emotion. In: J.-M. Fernández-Dols, J.A. Russell (Eds.), *The science of facial expression*. New York: Oxford University Press, 2017. pp. 479–496. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190613501.003.0025

Elfenbein H.A., Ambady N. On the universality and cultural specificity of emotion recognition: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 2002, 128(2), 203–235. DOI:10.1037/0033-2909.128.2.203

Elfenbein H.A., Ambady N. Cultural similarity's consequences: A distance perspective on cross-cultural differences in emotion recognition. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2003a, 34(1), 92–109. DOI:10.1177/0022022102239157

Elfenbein H.A., Ambady N. Universals and Cultural Differences in Recognizing Emotions of a different cultural group. *Current Directions in Psychological Science*, 2003b, 12(5), 159–164. DOI:10.1111/1467-8721.01252

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Elfenbein H.A., Ambady N. When familiarity breeds accuracy: Cultural exposure and facial emotion recognition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, 85(2), 276–290. DOI:10.1037/0022-3514.85.2.276

Engelmann J.B., Pogosyan M. Emotion perception across cultures: the role of cognitive mechanisms. *Frontiers in psychology*, 2013, 4, 118. DOI:10.3389/fpsyg.2013.00118

Flicker S.M., Ayoub H.J.S., Guynn M.J. Emotional display rules in Palestine: Ingroup/outgroup membership, status of interaction partner and gender. *International journal of psychology: Journal international de psychologie*, 2019, 54(1), 33–41. DOI:10.1002/ijop.12429

Hess U., Blaison C., Kafetsios K. Judging Facial Emotion Expressions in Context: The Influence of Culture and Self-Construal Orientation. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2016, 40, 55–64. DOI:10.1007/s10919-015-0223-7

Hess U., Kafetsios K. Infusing Context Into Emotion Perception Impacts Emotion Decoding Accuracy. *Experimental psychology*, 2021, 68(6), 285–294. DOI:10.1027/1618-3169/a000531

Hofstede G.H. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. London: Sage Publications, 2001.

Huang Y., Tang S., Helmeste D., Shioiri T., Someya T. Differential judgement of static facial expressions of emotions in three cultures. *Psychiatry and clinical neurosciences*, 2001, 55(5), 479–483. DOI:10.1046/j.1440-1819.2001.00893.x

Hwang H.S., Matsumoto D. Ethnic differences in display rules are mediated by perceived relationship commitment. *Asian American Journal of Psychology*, 2012, 3(4), 254–262. DOI:10.1037/a0026627

JASP Team. JASP (Version 0.17.2.1), 2023. [Computer software]

Koopmann-Holm B., Matsumoto D. Values and display rules for specific emotions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, 42(3), 355–371. DOI:10.1177/0022022110362753

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Lee S.-L., Chiu C.-Y., Chan T.-K. Some boundary conditions of the expressor culture effect in emotion recognition: Evidence from Hong Kong Chinese perceivers. *Asian Journal Of Social Psychology*, 2005, 8(3), 224–243. DOI:10.1111/j.1467-839x.2005.00169.x

Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: Cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, 94(3), 365–381. DOI:10.1037/0022-3514.94.3.365

Masuda T., Nisbett R.E. Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, 81(5), 922–934. DOI:10.1037/0022-3514.81.5.922

Masuda T., Wang H., Ishii K., Ito K. Do surrounding figures' emotions affect judgment of the target figure's emotion? Comparing the eye-movement patterns of European Canadians, Asian Canadians, Asian international students, and Japanese. *Frontiers in integrative neuroscience*, 2012, 6, 72. DOI:10.3389/fnint.2012.00072

Matsumoto D. Cultural influences on the perception of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1989, 20(1), 92–105. DOI:10.1177/0022022189201006

Matsumoto D. Cultural similarities and differences in display rules. *Motivation and Emotion*, 1990, 14(3), 195–214. DOI:10.1007/BF00995569

Matsumoto D. American-Japanese cultural differences in the recognition of universal facial expressions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1992, 23(1), 72–84. DOI:10.1177/0022022192231005

Matsumoto D. Ethnic differences in affect intensity, emotion judgments, display rule attitudes, and self-reported emotional expression in an American sample. *Motivation and Emotion*, 1993, 17(2), 107–123. DOI:10.1007/BF00995188

Matsumoto D. Emotion judgments do not differ as a function of perceived nationality. *International Journal of Psychology*, 2007, 42(3), 207–214. DOI:10.1080/00207590601050926

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Matsumoto D., Consolacion T., Yamada H., Suzuki R., Franklin B., Paul S., Ray R., Uchida H. American-Japanese cultural differences in judgements of emotional expressions of different intensities. *Cognition and Emotion*, 2002, 16(6), 721–747. DOI:10.1080/02699930143000608

Matsumoto D., Ekman P. American-Japanese cultural differences in intensity ratings of facial expressions of emotion. *Motivation and Emotion*, 1989, 13, 143–157. DOI:10.1007/BF00992959

Matsumoto D., Hwang H.S., Yamada H. Cultural differences in the relative contributions of face and context to judgments of emotions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012, 43(2), 198–218. DOI:10.1177/0022022110387426

Matsumoto D., Kasri F., Kooken K. American–Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience. *Cognition and Emotion*, 1999, 13(2), 201–218. DOI:10.1080/026999399379339

Matsumoto D., Takeuchi S., Andayani S., Kouznetsova N., Krupp D. The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules. *Asian Journal of Social Psychology*, 1998, 1(2), 147–165. DOI:10.1111/1467-839X.00010

Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J., Anguas-Wong A.M., Arriola M., Ataca B., Bond M., Boratav H.B., Breugelmans S.M., Cabecinhas R., Chae J., Chin W.H., Comunian A.L., Degere D.N., Djunaidi A., Fok H.K., Friedlmeier W., Ghosh A., Glamcevski M., Granskaya J.V., Groenvynck H., Harb C., Haron F., Joshi R., Kakai H., Kashima E., Khan W., Kurman J., Kwantes C.T., Mahmud S.H., Mandaric M., Nizharadze G., Odusanya J.O.T., Ostrosky-Solis F., Palaniappan A.K., Papastylianou D., Safdar S., Setiono K., Shigemasu E., Singelis T.M., Poláčková Šolcová I., Spiess E., Sterkowicz S., Sunar D., Szarota P., Vishnivetz B., Vohra N., Ward C., Wong S., Wu R., Zebian S., Zengeya A., Altarriba J., Bauer L.M., Mogaji A., Siddiqui R.N., Fülöp M., De Melo Garcia Bley L., Alexandre J., Garcia F.M., Grossi E. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2008, 39(1), 55–74. DOI:10.1177/0022022107311854

Matsumoto D., Yoo S.H., Hirayama S., Petrova G. Development and Validation of a Measure of Display Rule Knowledge: The Display Rule Assessment Inventory. *Emotion*, 2005, 5(1), 23–40. DOI:10.1037/1528-3542.5.1.23

Namba S., Rychlowska M., Orłowska A., Aviezer H., Krumhuber E.G. Social context and culture influence judgments of non-Duchenne smiles. *Journal of Cultural Cognitive Science*, 2020, 4, 309–321. DOI:10.1007/s41809-020-00066-1

Pelham B., Hardin C., Murray D., Shimizu M., Vandellos J. A truly global, non-WEIRD examination of collectivism: The Global Collectivism Index (GCI). *Current Research in Ecological and Social Psychology*, 3, 2022, 100030. DOI:10.1016/j.cresp.2021.100030

Russell J.A. Is there universal recognition of emotion from facial expression? A review of the cross-cultural studies. *Psychological Bulletin*, 1994, 115(1), 102–141. DOI:10.1037/0033-2909.115.1.102

Safdar S., Friedlmeier W., Matsumoto D., Yoo S.H., Kwantes C.T., Kakai H., Shigemasu E. Variations of emotional display rules within and across cultures: A comparison between Canada, USA, and Japan. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 2009, 41(1), 1–10. DOI:10.1037/a0014387

Schimmack U. Cultural influences on the recognition of emotion by facial expressions: Individualistic or Caucasian cultures? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1996, 27(1), 37–50. DOI:10.1177/0022022196271003

Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In: R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (Eds.), *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage Publications, 2007. pp. 169–203. DOI:10.4135/9781849209458.n9

Sneddon I., McKeown G., McRorie M., Vukicevic T. Cross-cultural patterns in dynamic ratings of positive and negative natural emotional behaviour. *PloS one*, 2011, 6(2), e14679. DOI:10.1371/journal.pone.0014679

Stanley J.T., Zhang X., Fung H.H., Isaacowitz D.M. Cultural differences in gaze and emotion recognition: Americans contrast more than Chinese. *Emotion*, 2013, 13(1), 36–46. DOI:10.1037/a0029209

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Tottenham N., Tanaka J.W., Leon A.C., McCarry T., Nurse M., Hare T.A., Marcus D.J., Westerlund A., Casey B.J., Nelson C. The NimStim set of facial expressions: judgments from untrained research participants. *Psychiatry research*, 2009, 168(3), 242–249. DOI:10.1016/j.psychres.2008.05.006

Triandis H.C. *Individualism & collectivism*. New York: Routledge, 1995.

Varnum M.E., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R.E. The Origin of Cultural Differences in Cognition: Evidence for the Social Orientation Hypothesis. *Current directions in psychological science*, 2010, 19(1), 9–13. DOI:10.1177/0963721409359301

Vorobyeva E., Kosonogov V., Kovsh E., Ermakov P., Abakumova E., Motalova Y. Overcoming the barriers against learning which are rooted in different understanding of the emotional expression in people of Russian and Armenian ethnic identities [Abstract], *INTED2019 Proceedings*, 2019, 5958–5963. DOI:10.21125/inted.2019.1454

Zhu Z., Ho S.M., Bonanno G.A. Cultural similarities and differences in the perception of emotional valence and intensity: a comparison of Americans and Hong Kong Chinese. *The American journal of psychology*, 2013, 126(3), 261–273. DOI:10.5406/amerjpsyc.126.3.0261

Приложения

Приложение 1. Стимульный материал, предъявленный респондентам

Ситуации взаимодействия с членами семьи

1.1. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Этот молодой человек пытается подготовиться к экзаменам, но родители постоянно его отвлекают и мешают подготовке

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

1.2. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Отец отчитал эту девушку за поступок, который она не совершала

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

1.3. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Этот молодой человек совершеннолетний, после выпуска из университета решает устроиться на желаемую должность, но родители считают выбор должности "непрестижным" и без его ведома устраивают его через знакомых на другую должность

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

1.4. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Эта девушка поругалась с родителями, она хочет объяснить свою позицию, но они ее не слушают и не понимают

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

Ситуации взаимодействия с незнакомцами и малознакомыми людьми

2.1. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Девушка спорит с преподавателем, который выставил ей незаслуженно низкую оценку

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

2.2. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Этот молодой человек узнал, что его коллега пожаловался на него начальнику за то, чего он не совершал

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

2.3. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации? *

Эта девушка поспорила с незнакомцем, потому что получила от него неуместное замечание

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

2.4. Насколько сильную эмоцию гнева переживает сейчас этот человек, находясь в описанной ситуации?

Этот молодой человек долго ждал доставку еды, но в последний момент курьер отменил заказ

1 2 3 4 5 6 7

Ничего не испытывает

Сильно переживает эмоцию

Поступила в редакцию: 14 ноября 2023 г. Дата публикации: 27 февраля 2024 г.

Сведения об авторах

Сысоева Татьяна Анатольевна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия.
E-mail: tatiana.sysoeva@mail.ru

Айрапетян Егинэ Араиковна. Студентка магистратуры, Московский институт психоанализа, Кутузовский проспект, д.34, стр.14, 121170, Москва, Россия.
E-mail: hayrapetian333@gmail.com

Ссылка для цитирования

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций других людей: различия в распознавании гнева представителями армянской и русской культур. Психологические исследования. 2023. Т. 16, № 92. С. 1. URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи: <https://doi.org/10.54359/ps.v16i92.1487>

Sysoeva T.A.¹, Ayrapetian E.A.² Cultural display rules and emotion recognition: Differences in anger recognition between Armenians and Russians

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

The current study is aimed to investigate the differences in emotion recognition among representatives of Armenian and Russian cultures. A preliminary study demonstrated that Armenians, unlike Russians, tend to control the expression of anger towards in-group members in greater extent. One hypothesis explaining the cultural influence on emotion recognition suggests that expression norms, which require suppressing expression in certain social situations, should be compensated for by individuals from the corresponding culture in their assessments of the observed emotional state. Building on this, we assumed that when observing a person in a situation eliciting strong anger but not expressed overtly, Armenians would rate the intensity of the experienced emotion higher than Russians, but only in situations involving interaction with family members. The study involved 65 Armenians (aged 17-32, M=22.31, SD = 2.46, 38% male) and 64 Russians

(aged 20-42, $M=22.44$, $SD = 2.89$, 34% male). Participants were asked to rate, on a scale of 1-7, the intensity of anger experienced by a depicted individual (with a neutral expression) in a described situation (a verbal description of a situation provoking strong anger). Two types of situations were employed: interaction with in-group and out-group members. Indeed, compared to Russians, Armenians assigned significantly higher ratings of intensity only for situations involving interaction with family members. This result shows that the presence of a cultural prohibition on anger expressions towards in-group members among Armenians affects their use of expressions in recognizing other's emotions.

Keywords: emotional display rules, emotion recognition, anger, Armenians, Russians, cross-cultural study

Funding

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

Aviezer H., Hassin R.R., Bentin S., Trope Y. Putting facial expressions back in context. In: N. Ambady, J.J. Skowronski (Eds.), *First impressions*. New York: Guilford Publications, 2008. pp. 255–286.

Biehl M., Matsumoto D., Ekman P., Hearn V., Heider K., Kudoh T., Ton V. Matsumoto and Ekman's Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (JACFEE): Reliability data and cross-national differences. *Journal of Nonverbal Behavior*, 1997, 21(1), 3–21. DOI:10.1023/A:1024902500935

Carroll J.M., Russell J.A. Do facial expressions signal specific emotions? Judging emotion from the face in context. *Journal of personality and social psychology*, 1996, 70(2), 205–218. DOI:10.1037//0022-3514.70.2.205

Dailey M.N., Joyce C., Lyons M.J., Kamachi M., Ishi H., Gyoba J., Cottrell G.W. Evidence and a computational explanation of cultural differences in facial expression recognition. *Emotion*, 2010, 10(6), 874–893. DOI:10.1037/a0020019

Ekman P. Universals and cultural differences in facial expressions of emotion. *Nebraska Symposium on Motivation*, 1971, 19, 207–283.

Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding. *Semiotica*, 1969, 1, 49–98. DOI:10.1515/semi.1969.1.1.49

Ekman P., Friesen W.V., O'Sullivan M., Chan A., Diacoyanni-Tarlatzis I., Heider K., Krause R., LeCompte W.A., Pitcairn T., Ricci-Bitti P.E. Universals and cultural differences in the judgments of facial expressions of emotion. *Journal of personality and social psychology*, 1987, 53(4), 712–717. DOI:10.1037//0022-3514.53.4.712

Ekman P., Sorenson E.R., Friesen W.V. Pan-cultural elements in facial displays of emotion. *Science*, 1969, 164(3875), 86–88. DOI:10.1126/science.164.3875.86

Elfenbein H.A. Emotional dialects in the language of emotion. In: J.-M. Fernández-Dols, J.A. Russell (Eds.), *The science of facial expression*. New York: Oxford University Press, 2017. pp. 479–496. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190613501.003.0025

Elfenbein H.A., Ambady N. On the universality and cultural specificity of emotion recognition: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 2002, 128(2), 203–235. DOI:10.1037/0033-2909.128.2.203

Elfenbein H.A., Ambady N. Cultural similarity's consequences: A distance perspective on cross-cultural differences in emotion recognition. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2003a, 34(1), 92–109. DOI:10.1177/0022022102239157

Elfenbein H.A., Ambady N. Universals and Cultural Differences in Recognizing Emotions of a different cultural group. *Current Directions in Psychological Science*, 2003b, 12(5), 159–164. DOI:10.1111/1467-8721.01252

Elfenbein H.A., Ambady N. When familiarity breeds accuracy: Cultural exposure and facial emotion recognition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003c, 85(2), 276–290. DOI:10.1037/0022-3514.85.2.276

Engelmann J.B., Pogosyan M. Emotion perception across cultures: the role of cognitive mechanisms. *Frontiers in psychology*, 2013, 4, 118. DOI:10.3389/fpsyg.2013.00118

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Flicker S.M., Ayoub H.J.S., Guynn M.J. Emotional display rules in Palestine: Ingroup/outgroup membership, status of interaction partner and gender. *International journal of psychology: Journal international de psychologie*, 2019, 54(1), 33–41. DOI:10.1002/ijop.12429

Hess U., Blaison C., Kafetsios K. Judging Facial Emotion Expressions in Context: The Influence of Culture and Self-Construal Orientation. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2016, 40, 55–64. DOI:10.1007/s10919-015-0223-7

Hess U., Kafetsios K. Infusing Context Into Emotion Perception Impacts Emotion Decoding Accuracy. *Experimental psychology*, 2021, 68(6), 285–294. DOI:10.1027/1618-3169/a000531

Hofstede G.H. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. London: Sage Publications, 2001.

Huang Y., Tang S., Helmeste D., Shioiri T., Someya T. Differential judgement of static facial expressions of emotions in three cultures. *Psychiatry and clinical neurosciences*, 2001, 55(5), 479–483. DOI:10.1046/j.1440-1819.2001.00893.x

Hwang H.S., Matsumoto D. Ethnic differences in display rules are mediated by perceived relationship commitment. *Asian American Journal of Psychology*, 2012, 3(4), 254–262. DOI:10.1037/a0026627

JASP Team. *JASP (Version 0.17.2.1)*, 2023. [Computer software]

Koopmann-Holm B., Matsumoto, D. Values and display rules for specific emotions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, 42(3), 355–371. DOI:10.1177/0022022110362753

Lee S.-L., Chiu C.-Y., Chan T.-K. Some boundary conditions of the expressor culture effect in emotion recognition: Evidence from Hong Kong Chinese perceivers. *Asian Journal Of Social Psychology*, 2005, 8(3), 224–243. DOI:10.1111/j.1467-839x.2005.00169.x

Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: Cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, 94(3), 365–381. DOI:10.1037/0022-3514.94.3.365

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Masuda T., Nisbett R.E. Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, 81(5), 922–934. DOI:10.1037/0022-3514.81.5.922

Masuda T., Wang H., Ishii K., Ito K. Do surrounding figures' emotions affect judgment of the target figure's emotion? Comparing the eye-movement patterns of European Canadians, Asian Canadians, Asian international students, and Japanese. *Frontiers in integrative neuroscience*, 2012, 6, 72. DOI:10.3389/fnint.2012.00072

Matsumoto D. Cultural influences on the perception of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1989, 20(1), 92–105. DOI:10.1177/0022022189201006

Matsumoto D. Cultural similarities and differences in display rules. *Motivation and Emotion*, 1990, 14(3), 195–214. DOI:10.1007/BF00995569

Matsumoto D. American-Japanese cultural differences in the recognition of universal facial expressions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1992, 23(1), 72–84. DOI:10.1177/0022022192231005

Matsumoto D. Ethnic differences in affect intensity, emotion judgments, display rule attitudes, and self-reported emotional expression in an American sample. *Motivation and Emotion*, 1993, 17(2), 107–123. DOI:10.1007/BF00995188

Matsumoto D. Emotion judgments do not differ as a function of perceived nationality. *International Journal of Psychology*, 2007, 42(3), 207–214. DOI:10.1080/00207590601050926

Matsumoto D., Consolacion T., Yamada H., Suzuki R., Franklin B., Paul S., Ray R., Uchida H. American-Japanese cultural differences in judgements of emotional expressions of different intensities. *Cognition and Emotion*, 2002, 16(6), 721–747. DOI:10.1080/02699930143000608

Matsumoto D., Ekman P. American-Japanese cultural differences in intensity ratings of facial expressions of emotion. *Motivation and Emotion*, 1989, 13, 143–157. DOI:10.1007/BF00992959

Сысоева Т.А., Айрапетян Е.А. Культурные правила выражения и распознавание эмоций...

Matsumoto D., Hwang H.S., Yamada H. Cultural differences in the relative contributions of face and context to judgments of emotions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012, 43(2), 198–218. DOI:10.1177/0022022110387426

Matsumoto D., Kasri F., Kooken K. American–Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience. *Cognition and Emotion*, 1999, 13(2), 201–218. DOI:10.1080/026999399379339

Matsumoto D., Takeuchi S., Andayani S., Kouznetsova N., Krupp D. The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules. *Asian Journal of Social Psychology*, 1998, 1(2), 147–165. DOI:10.1111/1467-839X.00010

Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J., Anguas-Wong A.M., Arriola M., Ataca B., Bond M., Boratav H.B., Breugelmans S.M., Cabecinhas R., Chae J., Chin W.H., Comunian A.L., Degere D.N., Djunaidi A., Fok H.K., Friedlmeier W., Ghosh A., Glamcevski M., Granskaya J.V., Groenvynck H., Harb C., Haron F., Joshi R., Kakai H., Kashima E., Khan W., Kurman J., Kwantes C.T., Mahmud S.H., Mandaric M., Nizharadze G., Odusanya J.O.T., Ostrosky-Solis F., Palaniappan A.K., Papastylianou D., Safdar S., Setiono K., Shigemasu E., Singelis T.M., Poláčková Šolcová I., Spiess E., Sterkowicz S., Sunar D., Szarota P., Vishnivetz B., Vohra N., Ward C., Wong S., Wu R., Zebian S., Zengeya A., Altarriba J., Bauer L.M., Mogaji A., Siddiqui R.N., Fülöp M., De Melo Garcia Bley L., Alexandre J., Garcia F.M., Grossi E. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2008, 39(1), 55–74. DOI:10.1177/0022022107311854

Matsumoto D., Yoo S.H., Hirayama S., Petrova G. Development and Validation of a Measure of Display Rule Knowledge: The Display Rule Assessment Inventory. *Emotion*, 2005, 5(1), 23–40. DOI:10.1037/1528-3542.5.1.23

Namba S., Rychlowska M., Orłowska A., Aviezer H., Krumhuber E.G. Social context and culture influence judgments of non-Duchenne smiles. *Journal of Cultural Cognitive Science*, 2020, 4, 309–321. DOI:10.1007/s41809-020-00066-1

Pankratova A.A., Lyusin D.V. Emotional display rules in Russian and Azerbaijani cultures. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 2016, 9(48). DOI:10.54359/ps.v9i48.453 (in Russian)

Pankratova A.A, Osin E.N. Circumplex model of emotional display rules: A cross-cultural study. *Psichologicheskii zhurnal*, 2020, 41(2), 54–68. DOI:10.31857/S020595920008542-2 (in Russian)

Pelham B., Hardin C., Murray D., Shimizu M., Vandellos J. A truly global, non-WEIRD examination of collectivism: The Global Collectivism Index (GCI). *Current Research in Ecological and Social Psychology*, 3, 2022, 100030. DOI:10.1016/j.cresp.2021.100030

Russell J.A. Is there universal recognition of emotion from facial expression? A review of the cross-cultural studies. *Psychological Bulletin*, 1994, 115(1), 102–141. DOI:10.1037/0033-2909.115.1.102

Safdar S., Friedlmeier W., Matsumoto D., Yoo S.H., Kwantes C.T., Kakai H., Shigemasu E. Variations of emotional display rules within and across cultures: A comparison between Canada, USA, and Japan. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 2009, 41(1), 1–10. DOI:10.1037/a0014387

Schimmack U. Cultural influences on the recognition of emotion by facial expressions: Individualistic or Caucasian cultures? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1996, 27(1), 37–50. DOI:10.1177/0022022196271003

Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In: R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (Eds.), *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage Publications, 2007. pp. 169–203. DOI:10.4135/9781849209458.n9

Sneddon I., McKeown G., McRorie M., Vukicevic T. Cross-cultural patterns in dynamic ratings of positive and negative natural emotional behaviour. *PloS one*, 2011, 6(2), e14679. DOI:10.1371/journal.pone.0014679

Stanley J.T., Zhang X., Fung H.H., Isaacowitz D.M. Cultural differences in gaze and emotion recognition: Americans contrast more than Chinese. *Emotion*, 2013, 13(1), 36–46. DOI:10.1037/a0029209

Tottenham N., Tanaka J.W., Leon A.C., McCarry T., Nurse M., Hare T.A., Marcus D.J., Westerlund A., Casey B.J., Nelson C. The NimStim set of facial expressions: judgments from untrained research participants. *Psychiatry research*, 2009, 168(3), 242–249. DOI:10.1016/j.psychres.2008.05.006

Triandis H.C. Individualism & collectivism. New York: Routledge, 1995.

Varnum M.E., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R.E. The Origin of Cultural Differences in Cognition: Evidence for the Social Orientation Hypothesis. *Current directions in psychological science*, 2010, 19(1), 9–13. DOI:10.1177/0963721409359301

Vorobyeva E., Kosonogov V., Kovsh E., Ermakov P., Abakumova E., Motalova Y. Overcoming the barriers against learning which are rooted in different understanding of the emotional expression in people of Russian and Armenian ethnic identities [Abstract], *INTED2019 Proceedings*, 2019, 5958–5963. DOI:10.21125/inted.2019.1454

Zhu Z., Ho S.M., Bonanno G.A. Cultural similarities and differences in the perception of emotional valence and intensity: a comparison of Americans and Hong Kong Chinese. *The American journal of psychology*, 2013, 126(3), 261–273. DOI:10.5406/amerjpsyc.126.3.0261

Information about authors

Sysoeva Tatiana Anatolievna. PhD in Psychology, Senior Research Associate, Laboratory for Cognitive Research, the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Myasnitskaya street, 20, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: tatiana.sysoeva@mail.ru

Ayrapetian EGINE Araikovna. Master's Degree Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Kutuzovsky prospect, 34, building 14, 121170, Moscow, Russia.

E-mail: hayrapetian333@gmail.com

For citation: Sysoeva T.A., Ayrapetian E.A. Cultural display rules and emotion recognition: Differences in anger recognition between Armenians and Russians. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2023, Vol. 16, No. 92, p. 1. <https://psystudy.ru>